

*Лучшее лекарство от скуки –
авантюрные детективы Татьяны Поляковой:*

Деньги для киллера
Ставка на слабость
Тонкая штучка
Я – ваши неприятности
Строптивая мишень
Как бы не так
Чего хочет женщина
Сестрички не промах
Черта с два
Невинные дамские шалости
Жестокий мир мужчин
Отпетые плутовки
Ее маленькая тайна
Мой любимый киллер
Моя любимая стерва
Последнее слово за мной
Чумовая дамочка
Интим не предлагать
Овечка в волчьей шкуре
Барышня и хулиган
У прокурора век недолог
Мой друг Тарантино
Чудо в пушистых перьях
Любовь очень зла
Час пик для новобранцев
Фитнес для Красной Шапочки
Брудершафт с терминатором
Миллионерша желает
познакомиться
Фуршет для одинокой дамы

Амплуа девственницы
Список донжуанов
Ангел нового поколения
Бочка но-шпы и ложка яда
Мавр сделал свое дело
Тень стрекозы
Одна, но пагубная страсть
Закон семи
Сжигая за собой мосты
Последняя любовь Самурая
Невеста Калиостро
Испанская легенда
4 любовника и подруга
Welcome в прошлое
С чистого листа
Мое второе я
Уходи красиво
Неутолимая жажда
Огонь, мерцающий в сосуде
Она в моем сердце
Тайна, покрытая мраком
Выйти замуж любой ценой
Судьба-волшебница
Наследство бизнес-класса
Змей-соблазнитель
Время-судья
Свой, чужой, родной
Разрушительница пирамид
Дневник чужих грехов
Особняк с выходом в астрал

Сериал «Матинственная четверка»

Миссия свыше	В самое сердце
Коллекционер пороков и страстей	Четыре всадника раздора
Знак предсказателя	

Сериал «Я и Владан Марич»

Миссия свыше	В самое сердце
Коллекционер пороков и страстей	Четыре всадника раздора
Знак предсказателя	

Сериал «Фенька – Femme Fatale»

И буду век ему верна	Вся правда, вся ложь
Единственная женщина на свете	Я смотрю на тебя издали
Трижды до восхода солнца	Небеса рассудили иначе

Сериал «Анфиса и Женька – сущицы поневоле»

Капкан на спонсора	Неопознанный ходячий объект
На дело со своим ментом	«Коламбия пикчерз» представляет
Охотницы за привидениями	Предчувствия ее не обманули

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде	Караоке для дамы с собачкой
Вкус ледяного поцелуя	Аста Ла Виста, беби!
Эксклюзивный мачо	Леди Феникс
Большой секс в маленьком городе	Держи меня крепче
	Новая жизнь не дается даром

Сериал «Одна против всех»

Ночь последнего дня	Все точки над і
Та, что правит балом	Один неверный шаг

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

*Список
донжуанов*

Москва 2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *А. Антонова*
Дизайн обложки *Н. Никоновой*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Список донжуанов : [роман] / Татьяна Полякова. — Москва : Эксмо, 2022. — (Авантюрный детектив).

ISBN 978-5-04-165188-6

Меня зовут Симона. Мой муж не дает мне развода и грозит убить. Похоже, он не шутит. Иначе как объяснить ночной визит двух молодчиков, которые связали меня и оставили на произвол судьбы в пустой квартире? Как объяснить, что меня столкнули с моста в реку? А мчащаяся прямо на меня машина? А незнакомец с пистолетом в руке? Да я бы давно погибла, если бы не моя слегка чокнутая подруга Марья да парочка странных типов, которых я зову «Георгий плюс морячок». Но когда убивают моего мужа, а вся эта чертовщина продолжается, тут уж становится не до шуток. Кто же так страстно желает моей смерти? В конце концов это даже неприлично, тем более у меня совсем другие планы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-165188-6

© Полякова Т.В., наследники, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

— Я тебя убью, — заявил мне супруг на прощание, а я ему не поверила.

Оказалось, зря. Послушать сумасшедшую, что в настоящее время тарасила на меня глаза, так муженек именно это и задумал: укокошить меня. Ни много ни мало. Правда, во мне жила надежда, что эта девица и впрямь сумасшедшая. Однако кое-какие события...

Все началось полгода назад, то есть по-настоящему-то четыре с половиной года, — именно тогда я вышла замуж. Зачем, до сих пор не могу понять, добро бы гнал кто или влюбилась без памяти. Ничего подобного.

Познакомились мы в мае (вот оттого, должно быть, я теперь и маюсь), я возвращалась из бассейна, это добрых пять остановок до моего дома. День не задался, настроение так себе, даже бассейн его не улучшил. Троллейбусы выстроились вереницей насколько глаз хватало: в очередной раз отключили электроэнергию, маршрутки брали штурмом, автобусы растворились на просторах города, как всегда в такое время, а тут еще пошел дождь. Сначала мелкий, серенький и холодный, потом грохнуло, небо рассекла огненная стрела, земля вздрагивала от ударов, и дождь хлынул как из ведра.

Я укрылась на автобусной остановке, но все равно вымокла до нитки, замерзла, начала клацать зубами, вводя граждан по соседству в легкий трепет, и в конце концов решила ехать на такси, предварительно проведя ревизию кошелька. Если повстречается хороший человек, до дома хватит, если нет, пробежусь немного — все лучше, чем здесь мерзнуть. Я отважно выскочила на дорогу, махнула рукой, и возле меня остановился «Мерседес». Дверь распахнулась, я юркнула в машину, сжавшись в комок, оттого что все-таки основательно вымокла.

Справедливости ради надо сказать, что в тот момент я не заметила ни марки машины, ни тем более сердобольного водителя. Видеть-то я его видела, но занимал он меня крайне мало, гораздо важней был тот факт, что в кабине оказалось тепло, от меня вроде бы даже пар повалил. Впрочем, это скорее всего преувеличение.

— Замерзли? — поинтересовался мужчина, и я трижды кивнула, одного раза было явно недостаточно, чтобы выразить мои чувства.

Когда сидишь с синими губами, мокрые джинсы противно липнут к ногам, а с волос капает, в голову не приходят романтические мысли, ко мне, по крайней мере, точно. Поэтому я вовсе не пришла в восторг, когда парень решил познакомиться со мной.

— Как вас зовут? — спросил он с улыбкой, а я на всякий случай решила присмотреться к нему.

Выглядел он неплохо. Я бы даже сказала — очень неплохо, и, если б я сама в тот момент не походила на мокрую курицу, выразилась бы еще определеннее: он здорово смахивал на мужчину моей мечты. Тут я обнаружила, что сижу в «Мерседесе», но вовсе не обрадовалась этому, а скорее разозлилась. Парень был при всем параде, а я выглядела на двойку с минусом. Да и на что мне мечта, которая через пять минут рас-

творится за пеленой дождя? Однако на вопрос надо было как-то отвечать, и я ответила:

— Симона. — Именно так назвала меня мама. Не знаю, что ее на это сподвигло. Большое ей за это спасибо. При знакомстве у меня никаких проблем с темой для беседы, стоит только представиться.

Вот и сейчас парень поднял брови, вроде не поверив, переспросил:

— Симона? — И, разумеется, добавил: — Редкое имя. А меня зовут Сергей. Как видите, ничего оригинального.

— Считайте, вам повезло, — заметила я. — Вот здесь остановите, пожалуйста. — Я кивнула на автобусную остановку.

— Где вы живете? — спросил Сергей.

— Тринадцатый дом, — ответила я, извлекая кошелек из сумки.

— Я вас доведу до подъезда. Дождь, — пояснил он, точно извиняясь, и улыбнулся шире: — Денег не надо.

— Как хотите, — нахмурилась я, с новой силой чувствуя себя мокрой курицей и начиная ненавидеть за это Сергея.

Мы въехали во двор и возле моего подъезда влетели правым передним колесом в люк канализационного колодца, который никто не потрудился закрыть. Сергей то ли просто плохо видел, то ли ему мешал дождь, то ли он увлекся разглядыванием моей физиономии. Итог был плачевным: выбраться без посторонней помощи «Мерседес» не смог.

Если бы машина не стоила кучу денег или я в тот миг не была чересчур критична к своей внешности, то смело решила бы: парень сделал это нарочно, но тогда лишь хмуро изрекла:

— Надо было высадить меня на остановке. Что вы намерены делать?

— Ждать, когда кончится дождь, — заявил он. Незаметно было, что происшествие его сильно огорчило.

— Тогда всего доброго, — пожалала я плечами, собираясь рвануть в родной подъезд.

— А вы не могли бы проявить сострадание? — весело осведомился парень. Подозрения, что в колодец он попал не случайно, во мне лишь окрепли.

— Надеетесь, что я начну выталкивать вашу машину? — съязвила я.

— Что вы, всего лишь чашка кофе для неудачника.

Хватило бы тогда у меня ума вежливо отказать ему или сообщить, что дома чудовищно ревнивый муж, и никакой головной боли в настоящий момент не было бы, а также скверных перспектив и прочих подобных радостей. Но врать я не стала и отказывать тоже, пожалала плечами и кивнула:

— Идемте.

Мы поднялись на второй этаж, я позвонила в дверь, видя, как физиономия парня лишается сияющей улыбки. Не знаю, с чего он взял, что в квартире мы будем одни. В любом случае с иллюзиями надо расставаться легко.

— Мона, — послышался из-за двери мамин голос, — это ты?

— Я, мама, — бодро гаркнула я.

Дверь распахнулась, а физиономия Сергея вытянулась. Так случается всегда, когда люди впервые видят мою маму.

В тот день мама оделась простенько: расшитый золотом халат красного бархата, на голове розовый тюрбан с павлиньим пером, в руках неизменный мундштук такой длины, что он больше походил на копьё. Сигарета отсутствовала, мама не так давно бросила курить.

— Здравствуй, радость моя, — пропела мама, пропуская меня в прихожую, и едва не хлопнула парня дверью по носу, потому что видела она неважно, а очки принципиально не носила, решив, что они ее старят.

Мама родила меня в сорок два года. Сейчас определить ее возраст было совершенно невозможно. Я так даже и не пыталась. Главное — успеть привыкнуть к маминому облику, который постоянно менялся. И дело вовсе не в тряпках или цвете волос, мама первой занялась в нашем городе пластической хирургией и опробовала на себе все достижения в этой области, — должно быть, поэтому ее облик упорно ассоциировался у меня с Майклом Джексонном.

— Мама, это Сергей, — сказала я.

Мама насторожилась и уставилась в пространство. Я легонько подтолкнула парня, а мама улыбнулась:

— Очень приятно. Вы друг моей дочери?

— Пока нет, но надеюсь стать им, — нахально ответил Сергей, но маме это понравилось.

— Ну-ну, — пропела она. — На самом деле Мона несносная девчонка. Хотите кофе?

— С удовольствием.

— Мама, Сергей подвозил меня на машине, на улице страшный дождь, и он угодил в колодец.

— Господи помилуй. Ничего не сломал?

— Машина угодила, — поправилась я. Мама всегда требовала, чтобы я четко выражала свои мысли.

— И что с машиной?

— Стоит под окнами.

— Вы уже знаете, что делать? — обратилась мама к Сергею. Тот с готовностью кивнул:

— Переждать дождь.

— Разумно. Мона, приведи себя в порядок, а я пока займусь гостем.

Я прошла в ванную и критически уставилась в зеркало. Мог ли человек пожертвовать «Мерседесом», если мои волосы свисают мокрыми прядями, нос слегка покраснел, а губы посинели? Неужто он меня разглядел? А может — просто чокнутый? Я включила душ погорячее и оставила глупые мысли.

К тому моменту, когда я вновь предстала перед Сергеем, мой облик претерпел кое-какие изменения. Я не собиралась потрясать его воображение, чтобы он, чего доброго, не решил, что я хочу ему понравиться. Напротив, в бежевом домашнем платье и с двумя косами я выглядела мило и уютно. По крайней мере я на это рассчитывала. Сергей, увидев меня, заметно поглупел, что в общем-то меня не удивило, особенно если учесть, что к тому моменту мама успела показать ему нашу квартиру. На людей это действует всегда одинаково: они впадают в задумчивость. У нас нет столовой или, к примеру, гостиной — просто комнаты (их пять); четыре соответствуют маминым настроениям, пятая — моя, и маму я туда дальше порога не пускаю, потому что она сразу начинает что-то переставлять и совершенствовать. Одна мамина комната сплошь розовая, шторы с рюшами, мягкие игрушки, салфеточки и цветочки в горшках; вторая черная, вместо люстры четыре гигантские свечи в напольных подсвечниках. В этой комнате хорошо бы смотрелся гроб. Слава богу, мама до этого не додумалась. Третья комната напоминала аквариум, а четвертая — сугроб, в ней сейчас сидел Сергей в компании мамы, пил кофе и непроизвольно ежился.

— Он занятный, — кивнув на него, сообщила мама. — Современные молодые люди по большей части скучны, а этот занятный.

Мама поднялась и выплыла на кухню, где через мгновение чем-то загрохотала. Мама обожала готовить, но зрение в последнее время часто подводило ее.

Сергей вздохнул, покосился в ту сторону и спросил:

— А кто твой отец?

Вопрос, по-моему, к данной ситуации не имел никакого отношения, но я ответила, раз уж ему так интересно:

— Папа умер, когда мне было три месяца. Или четыре. Мама постоянно путает.

— Ага, — кивнул Сергей. — Значит, ты с мамой живешь?

С какой стати он принялся мне тыкать, ума не приложу, но возражать я не стала, раз ему так удобнее, зато сообщила:

— Дождь кончился.

— Что? А... Действительно.

Минут через десять он нас покинул. А еще через пятнадцать выбрался из колодца. В этом я убедилась, выглянув в окно. Через полчаса он позвонил, а на следующий день встретил меня возле университета. Через три дня он рассказал мне историю своей жизни, через пять поклялся в любви, через неделю познакомил с бабушкой (его родители умерли), а через две предложил выйти за него замуж. Всерьез это предложение я не рассматривала до тех самых пор, пока мама, выслушав мой рассказ о происходящем, туманно не изрекла, раскладывая пасьянс:

— Вполне подходяще... Надо же когда-нибудь начинать.

— Что? — насторожилась я.

— Что «что»? — переспросила мама, оторвав взгляд от карт.

— Что начинать?

— Жить, разумеется.

— А что, по-твоему, я делаю сейчас?

— Сейчас у тебя не жизнь, а сплошное ребячество. Иди замуж. Сергей вполне для этого годится. Бо-

гат, ни жены, ни детей, самостоятелен, свекрови и той не будет. Поверь, это большая удача. Он старше тебя на восемь лет — не много и не мало. В общем, в самый раз. И я отдохну от забот, — добавила мама. — Иди замуж, Мона.

И я пошла. Смена фамилии не повлекла за собой особых перемен в моей жизни. Правда, я переехала в новую квартиру, по площади равную пяти маминым, хотя и мамина казалась мне чересчур большой. Я попробовала сама управляться по хозяйству, но кончилось тем, что мы взяли домработницу. Днем, после университета, я бежала в бассейн, затем возвращалась домой и ждала Сергея с работы. Работал он много, дома появлялся около восьми, обычно вез меня в рестораны, где мы и ужинали. В выходные, как правило, мы куда-нибудь отправлялись, чаще всего на природу. Лето сменяла осень, осень — зима, жизнь двигалась стремительно и, на мой взгляд, без особого толка. Но Сергей считал иначе, а так как у меня просто не было повода выразить недовольство, то я с ним соглашалась.

Думаю, мы были образцовой парой. Случались, правда, редкие ссоры, в основном из-за моих подруг. Сергей считал, что я слишком много времени провожу с ними. Я принимала покаянный вид, хотя в душе была с ним не согласна. Прежде всего, не так уж много времени я им уделяла, а потом, с кем же мне еще проводить досуг, если муж постоянно на работе?

Первая серьезная ссора произошла по окончании мною университета. Сергей и слышать не желал о том, что я пойду работать. Спрашивается, для чего ж я пять лет училась? С моей точки зрения, логика у мужа отсутствовала начисто. Но у него и тут было свое мнение. Он заговорил о детях, о тихой пристани, какой виделась ему наша семья, и о прочем в том же духе. Картинка, нарисованная им, не показалась

мне особенно привлекательной, но я честно пыталась соответствовать и даже научилась варить борщ и вышивать крестиком. На это ушло еще четыре месяца нашей совместной жизни.

И вот однажды дождливым мартовским днем мне позвонил муж. Как всегда, он справился о моем самочувствии, поинтересовался, чем я занята, и сообщил между делом, что у него совещание, которое продлится часов до семи, поэтому он, скорее всего, задержится. Повесив трубку, я вспомнила, что не спросила у него про деньги. Дело в том, что именно в тот день мне надлежало заплатить за теннис (теперь я и в теннис еще играла; а что делать, если времени — пруд пруди), но денег в шкатулке, где я их обычно брала, не оказалось, что несколько меня удивило. Я считала шкатулку неиссякаемым источником.

Чертыхнувшись, я задумчиво набрала номер мужа. Его секретарша, не узнав меня, так как я по рабочему телефону звонила редко, поведала, что «Сергея Ивановича сегодня не будет». Я извинилась, положила трубку и задумалась еще больше. Ситуация показалась мне странной, хотя в тот момент я была далека от подозрений и просто перезвонила мужу на мобильный. Он заверил, что свяжется с клубом и уладит вопрос, извинился, что забыл про деньги, и пообещал вернуться домой сразу после совещания, ни секунды не задерживаясь. Теперь ответ секретарши виделся мне так: Сергей не хочет, чтобы его отвлекали от важных дел, вот она и говорит, что на рабочем месте он отсутствует. Я спустилась в гараж за своей машиной, но в ней не оказалось бензина. Хорошо, что я заметила это почти сразу, оставила ее в гараже, а в клуб поехала на такси.

В общем, к открытию меня привела череда случайностей. Мы выезжали на Садовую, когда впереди я увидела машину мужа. Допустить, что он ее кому-то

доверил, я не могла: он только что сменил «Мерседес» на «Лексус» и трясся над ней, точно над младенцем. В том, что муж никогда не врет и в настоящее время проводит совещание, я ничуть не сомневалась, поэтому избрала третий вариант. Нашу красавицу попросту угнали, поэтому я попросила таксиста поднажать, а сама позвонила Сергею.

— Где твоя машина? — пролепетала я.

— А в чем дело? — перепугался он.

— Ты на совещании?

— Разумеется.

— А машина на Садовой.

— Не может быть. А ты где?

— Еду за ней.

— Но я тебя не вижу, — ляпнул он, что в общем-то не было удивительно. С моей точки зрения, муж умом не блистал, хоть и умудрился заработать миллион.

— Как ты меня можешь видеть, если ты сидишь в своем офисе? — ответила я вопросом на вопрос.

Супруг заметался по городу. По тому, как судорожно передвигался «Лексус», стало ясно, что за рулем сидит Сергей, а на сердце его печаль или что-то похуже: блондинка или брюнетка в соседнем кресле. Признаться, в тот момент мне было смешно, ситуация просто анекдотическая. Он пытался уйти, да беда в том, что даже не догадывался, от кого надо удирать. Я бы на его месте свернула в старый город и здесь, на тихих улочках, где движения практически никакого, быстренько засекала старенький «Вольво», на котором я в настоящий момент передвигалась за ним. Но супруг точно ополоумел, неся по городу, пытаясь оторваться, нарушая правила и не реагируя на светофоры. В конце концов ему это удалось, он скрылся с глаз, к крайней досаде водителя «Вольво», который оказался человеком азартным. А через двадцать минут муж уже бодро рапортовал:

— Солнышко, машина стоит под окнами, ты ничего не путаешь?

Хоть бы головой подумал, чего тут путать, если его «Лексус» один такой во всем городе? И зрение у меня хорошее, да и память неплохая, то есть номер машины мужа я вполне способна запомнить.

Я попросила таксиста остановиться возле универсама и задумчиво изрекла:

— Мне кажется, муж мне изменяет.

— Необязательно, — отозвался водитель, — всякое бывает. Вот я однажды...

Далее последовал рассказ минут на пятнадцать. Выслушав дядьку, я поняла, что он ничуть не умнее моего мужа, достала из кошелька последние сто рублей и протянула ему.

— Извините за хлопоты. Больше денег у меня нет, но, если хотите заработать, приезжайте завтра в девять утра на Лебяжью, дом пять. Я там живу.

— Зачем приезжать? — насторожился он.

— Мужа ловить будем. Двести баксов в день. Подойдет?

Дядька хлопнул ресницами и спросил:

— Зачем его ловить?

— Чтобы поймать, — вздохнула я и пошла бродить по городу, строя планы грядущей военной кампании, пребывая в подозрительно хорошем настроении и гадая: явится дядька или нет?

Дядька явился за пятнадцать минут до указанного времени и едва все не испортил, чуть не столкнувшись с отъезжающим на работу мужем.

Надо сказать, что совещание накануне закончилось рано, потому что уже в 18.15 муж был дома и звонил мне с намерением выяснить, где я. Я была неподалеку, объяснила, что возвращаюсь пешком, потому что не имею денег на такси. Муж бросился на встречу. Мы разминулись и с трудом нашлись, а когда

сие свершилось, Сергей нервно начал пританцовывать рядом и первым делом заявил, что я его очень напугала. С чего это я вообще решила, что видела его машину? Я напустила в глаза задумчивости и после длительных размышлений изрекла:

— Мне показалось, что это она.

Вечером мы остались дома, Сергей был ласков более обыкновенного, упоминаний о машине избегал и первым делом заполнил шкатулку деньгами.

А в девять утра я начала охоту за ним. Дядька, звали его Николай Васильевич, выглядел хмурым и даже несчастным. Пришлось показать ему двести баксов. Он повеселел, но день не задался, в том смысле, чтобы порадовать результатом. Дядька внял голосу разума и за «пустые» дни брал по сто баксов.

В выходные мы с мужем отправились к друзьям, где чудно провели время. Я поведала ему о своей любви, он был счастлив. По крайней мере раз двадцать сказал об этом к месту и не к месту, провозглашал тост за самую прекрасную женщину и полез целоваться. Словом, совершенно успокоился, оттого, наверное, и предпринял уже во вторник очередную вылазку.

В 16.30 он покинул офис, подъехал к зданию на Гончарной, откуда тут же выпорхнула девица в джинсах. Николай Васильевич посмотрел на нее и изрек:

— Он спятил.

— Я тоже так думаю, — согласилась я, но врала, потому что своими мыслями на этот счет делиться не хотела.

Муж повез подружку в панельный дом на улицу Кирова, где пробыл один час двадцать минут. На следующий день я вооружилась фотоаппаратом и уже практически с ним не расставалась.

Вскоре выяснилось, что жизнь мужа чрезвычайно насыщена женщинами, хотя и довольно однообразна.

Он часто посещал сауны, боулинг и казино, умудряясь максимум в девять быть дома. Когда он наживал свои миллионы, оставалось только гадать.

Через месяц у меня набрался солидный альбом фотографий, который я соответственно оформила: проставила даты и места встреч, а также адреса, где состоялись свидания. Получилось красиво.

Надо признать, что я была занята в то время не только альбомом. Я отремонтировала бабушкину квартиру, которая досталась мне по наследству и которая лет двенадцать пустовала, потому что у мамы не доходили до нее руки. Чувствуя за собой вину и, должно быть, стыдясь, муж охотно снабжал меня деньгами, не спрашивая, куда я их трачу. А я, чтобы не зародить в его душе сомнений, время от времени сообщала то о новой шубе, то о новом колечке с сережками. Муж радовался. При этом он совершенно был не в состоянии отличить старую шубу от новой, когда я хвалилась покупками. Однажды я сунула ему под нос кольцо, которое он подарил мне на свадьбу.

— А у тебя не было похожего? — робко спросил он.

— Будет пара. Сейчас модно.

Сергей вновь настойчиво заговорил о ребенке, но к тому моменту компромат был собран, ремонт в квартире закончен и деньги на первое время отложены. Все это позволило мне покинуть квартиру налегке. Я перевезла кое-какие вещи и позвонила мужу.

— Сережа, я ухожу. Ключи оставила на кухне, ключ от моей машины висит в гараже на гвоздике, документы на машину в секретере.

— Куда ты уходишь? — не понял он.

— Пока не знаю. Вряд ли я буду жить у мамы.

— Подожди, я ничего не понял, — забеспокоился он.

— Я от тебя ухожу, — терпеливо повторила я.

Лучше от этого не стало, вместо одного вопроса он задал десяток. Пришлось объяснить. — Ты меня давно не любишь, изменяешь мне с двенадцатью девушками одновременно. Мне это не нравится, и я ухожу.

— Ты что, с ума сошла? — возопил он.

— Нет. Я бы сошла с ума, если бы осталась. Прощай.

Я повесила трубку и поехала к маме.

— Я развожусь с мужем, — сообщила я ей от порога.

— Мне он никогда особенно не нравился, — отозвалась мама.

— Да? А кто мне советовал выйти за него замуж?

— Ты отлично устроилась, закончила учебу, приобрела опыт семейной жизни. Разве нет? — На это мне возразить было нечего. — Мне тогда постоянно тревожные сны снились, — продолжила мама, тяжело вздохнув. — Будто ты выскочила замуж за нищего лейтенантика, совсем как я в молодости. Он увез тебя в какую-то Тмутаракань, ты носила воду из колодца, топила печку... а ребеночек-то как надрылся... По моему, у него была грыжа.

— Какой ребеночек?

— Мой внук, естественно. Или внучка. Во сне об этом ни слова. Я чуть с ума не сошла. Слава богу, тут подвернулся этот тип, твой муж.

— Он мне изменял.

— Все мужчины мерзавцы. Разве я тебе не говорила? Ты очень расстроена?

— Не очень, — честно ответила я.

— Вот видишь, — обрадовалась мама. — Представь, что ты вышла не за Сергея, а за молодого человека, которого любила, а он тебе изменил. Ты бы сейчас места себе не находила, возможно, помышляла бы о самоубийстве, совсем как я в молодости, когда твой отец меня бросил.

— Он же умер?
— Умер. Но сначала бросил. Короче, тебе повезло, — заключила мама.

— Да я и не спорю, — пожала я плечами.

Тут в дверь позвонили, и мы немного занервничали, потому что стало ясно: это мой муж.

— Тебе ни к чему с ним встречаться, — сказала мама, я кивнула и сунула ей в руки альбом. — Это что такое?

— Компромат. Чтоб не вздумал отнекиваться.

— Я должна сейчас его отдать? Мне же интересно взглянуть.

— У меня есть второй экземпляр, — заверила я ее и укрылась в своей комнате.

Дальше порога Сергея не пустили.

— Молодой человек, вы мерзавец и обманщик, — заявила мама, вручила ему альбом и добавила: — Чтобы ноги вашей не было в моем доме... — И захлопнула дверь.

Сергей предпринял героические усилия, чтобы связаться со мной, ряд его попыток увенчался успехом. К примеру, на второй день он смог до меня дозвониться из-за некоторой потери бдительности с моей стороны.

— Ты что, с ума сошла? — начал он весьма эмоционально.

— Нет, — ответила я, потому что признаков сумасшествия у себя не наблюдала.

— Что ты вытворяешь? Тебе не стыдно? Ты за мной шпионила. Какая гадость.

— Это точно, — согласилась я. — Шпионить — гадость, согласна, а изменять жене — это что, по твоему?

— Люди из-за этого не разводятся.

— А я не из-за этого. Я из-за того, что муж меня больше не любит.

— Ерунда какая. Я тебя люблю. Даже больше, чем в день нашей свадьбы, если хочешь знать.

— Тогда я вовсе ничего не понимаю.

— А что тут понимать? — взревел он медведем.

— Зачем тебе все эти девушки? — проявила я интерес, потому что разговор против воли увлек меня.

— Это не девушки, — рявкнул муж, — это шлюхи!

— Какая разница, — не поняла я.

— Это не имеет к тебе никакого отношения, — поставил меня в тупик супруг очередным ответом.

Через неделю мы встретились в присутствии моей мамы. Мама Сергея принципиально игнорировала и даже села к нему спиной. Муж просил меня вернуться и предпринял попытку встать на колени, чему я воспротивилась, а мама так просто заявила: «Шут гороховый», отбив у него охоту к спецэффектам. На мой настойчивый вопрос: «Если у нас любовь, при чем здесь девушки?» — он отвечал невразумительно, часто сбивался на фразу «все так живут», обещал впредь хранить мне верность до гроба, но выглядел при этом неубедительно.

— Лицемер, — сказала мама, и я с ней согласилась.

После этой встречи жизнь моя стала чрезвычайно насыщенной. Я перешла на осадное положение. Через две недели мы встретились вновь. Я надеялась, что Сергей согласится на развод, но надежды были напрасны. Он настоял, чтобы я была одна, «без своей сумасшедшей мамы», как он выразился, а я настояла на том, чтобы встреча произошла в кафе, дабы муж держал себя в руках и не занимался ерундой (его попытка бухнуться на колени слегка меня разволновала). Итак, мы встретились, и в первые же пять минут я лишь укрепилась в своем решении развестись с ним раз и навсегда.

— Ты чокнутая, — начал он возмущенно. — Чего тебе не хватает, скажи на милость?

Я растерялась. Ответить на этот вопрос было не так легко. Если честно, мне всего хватало, даже с избытком, но развестись захотелось еще больше.

— Мы говорим не о том, чего мне хватало или нет, а о твоих изменах, — скромно сообщила я.

— Это не измены, — заявил он, в очередной раз вызвав мое беспокойство за его разум. — Измена — это когда заводят любовницу, когда любят другого человека, понимаешь? А я люблю только тебя.

— Хорошо, — кивнула я, пытаюсь приноровиться к его логике. — Тогда я продолжу любить тебя, но жить буду с кем-нибудь другим.

— Не говори глупостей, — отрезал он, что меня не удивило, потому что в самом деле глупость: кто ж на такое согласится? — Солнышко, — взяв мою руку, начал он ласково, — я тебе сто раз говорил: нам надо завести детей. Если бы у нас были дети, ничего подобного не произошло бы. У тебя слишком много свободного времени, а так ты бы занималась детишками.

— А ты бы чем занимался? — не удержалась я.

— Я бы деньги зарабатывал, — пошел он пятнами.

— Я тоже хочу зарабатывать деньги, — вздохнула я. — Я не люблю готовить и ненавижу вышивать крестиком. Ты не на той женился. Давай разойдемся по хорошему. Я подарю тебе альбом, а ты оставишь меня в покое.

— Ах вот как, — протянул муж. — Хорошо. Посмотрим, как ты будешь жить с мамашей на ее полтысячи баксов в месяц. Готовься всю жизнь ходить в одной шубе. Или ты думаешь, что получишь от меня хоть копейку? Ничего подобного...

Он говорил долго, все больше увлекаясь, а я поду-

мала, что разводиться с мужем довольно полезно: видишь качества характера, ранее для тебя неведомые.

Если честно, было немного стыдно, потому что в тот момент я поняла, что никогда — ни в день свадьбы, ни до, ни после — его не любила и замуж пошла... бог его знает почему.

— Сережа, мне ничего не надо, — покаянно сказала я. — Правда. Давай просто разведемся.

— Отлично. Посмотрим, что ты запоешь через месяц, нет, через два.

Следующие два месяца стали лучшими в моей жизни. Впервые за долгое время я не гадала, чем себя занять, потому что свободного времени у меня попросту не было. Первым делом я устроилась на работу. Работа мне нравилась. Моим шефом была моя подруга, коллектив прекрасный, и вообще жизнь радовала. Одно плохо: где-то на границе сознания маячил и беспокоил смутный образ мужа, хотя сам Сергей целый месяц не давал о себе знать. Через месяц, как-то задержавшись на работе дольше обычного, я припустилась за троллейбусом, отчаянно размахивая руками, чтобы меня заметили. Тут раздался автомобильный сигнал, и, обернувшись, я увидела машину мужа. Сергей вышел и молча распахнул передо мной дверь, пришлось сесть.

— Тебя домой? — спросил он хмуро.

— Ага, — кашлянула я. К тому моменту я уже переселилась в бабушкину квартиру. Оказалось, Сергей знал об этом.

— Ты что, меня совсем не любишь? — спросил он несколько не к месту.

Я его не любила. Совсем. Сказать правду — равносильно признать свою вину. В самом деле, зачем замуж шла, голову человеку морочила? Скажите на

милость, какая женщина признает себя виноватой? Поэтому я решила придерживаться прежней версии: измена мужа и невозможность ее простить.

— У нас с тобой разные взгляды на совместную жизнь, — вздохнула я. — Мне никогда не понять, как можно любить кого-то и обманывать его. Не понять, и все.

— Хорошо, понять ты не можешь, — вздохнул муж, — а простить?

Вышло это у него очень трогательно. В самом деле казалось, что мое прощение для него очень важно, возможно, в тот момент он и сам в это верил. Мне было жаль его, так жаль, что плакать хотелось, но я подумала, что если дам волю своим чувствам, то завтра вновь начну готовить борщ и вышивать крестом, а главное, всю жизнь проживу с человеком, которого не люблю.

Это подействовало. Я собралась с силами и ответила:

— У меня не получится. Ты зарабатываешь деньги и живешь так, как считаешь правильным, и в самом деле не видишь во всем этом ничего плохого, а для меня это предательство. И тут уж, как говорится, ничего не поделаешь.

Мы как раз подъехали к моему дому, и это позволило мне спешно ретироваться.

Прошел еще месяц, и Сергей вновь возник в моей жизни. Позвонил, спросил разрешения заехать и явился через десять минут после этого. Я надеялась, что глупые мысли о совместной жизни он оставил и пришел поговорить о разводе. Не тут-то было. Надо сказать, выглядел он скверно, не то чтобы больным, а скорее каким-то потерянным и даже жалким, что уж вовсе никуда не годилось.

Я напоила его чаем и спросила о делах. Он проиг-

норировал вопрос, взглянул на меня с печалью и вздохнул:

— Ладно, ты доказала, что отлично можешь жить без меня. И без моих денег тоже. Я все понял. И осознал. Возвращайся, хватит дурака валять. У меня из рук все валится, тоска такая... Хочешь работать — работай, и вообще... все эти бабы... ты же понимаешь, просто такой стиль жизни, я даже не думал... я тебе клянусь, больше никогда... поедем домой...

Ух ты, господи, что же делать-то? Постную мину — это во-первых, во-вторых, надо придумать что-то жалостливое. Как назло, ничего подходящего на ум не шло.

— У нас не получится, — испуганно произнесла я. — Мы просто теряем время.

Тут Сергей уставился на меня сначала с печалью, потом с душевной болью, а потом со злостью и изрек:

— Ты меня никогда не любила. Никогда. И только рада от меня избавиться.

Скажите, какая пронизательность.

— Вот и пошли меня к черту, — разозлилась я. — На свете полно женщин, которые варят борщ лучше и любят вышивать крестиком.

— Знаешь, кто ты? — перешел он на зловещий шепот. — Ты дрянь, лживая, хитрая дрянь.

— Ну и ладно, — кивнула я. — Раз тебе так удобней... Разведись со мной.

— У тебя кто-то есть? Я ведь все равно узнаю. Я ему башку оторву.

— Ради бога, только у меня никого нет. Давай разведемся.

И тут муж повел себя совсем не как джентльмен, сунул мне под нос кукиш и сообщил:

— Вот тебе, а не развод. Я тебя в психушку отправлю, я тебя... Не хочешь жить со мной, готовь себя в монахини.

— Будем надеяться, что тебе это когда-нибудь на-
доеет и ты оставишь меня в покое. На худой конец, я
могу уехать из этого города.

Он зажмурился, собираясь с силами, и вот тогда-
то выпалил:

— Я тебя убью.

— За это в тюрьму сажают, — напомнила я. —
Скажи на милость, что тебе там делать?

Он стремительно покинул мою квартиру, хлопнув
дверью.

— Ерунда, — сказала мама, выслушав мой рас-
сказ. — Твой отец раз двадцать грозил мне тем же.
И что?

— Папа хотел тебя убить? — насторожилась я, это
как-то не вязалось с обликом родителя, который ма-
ма успела создать за долгие годы. — За что?

— Ах, дорогая, все мужчины сумасшедшие и все-
гда найдут повод сморозить глупость. Не обращай
внимания. Он успокоится и даст тебе развод. Куда
ему деться?

Однако супруг не только не успокоился, он начал
военные действия. В понедельник я пришла на рабо-
ту, и тут же Элька, подруга и шеф по совместительст-
ву, вызвала меня к себе.

— Мона, — сказала она. Не помню, чтобы хоть
одна душа потрудилась называть меня полным име-
нем, Элька так даже не пыталась, — я думаю, тебе
есть смысл отправиться в отпуск.

— Какой отпуск? — не поняла я. — Я работаю
всего два месяца.

— И уже отлично себя зарекомендовала, — кив-
нула она. — Поэтому мне удалось уговорить руково-
дство не увольнять тебя, а на время отправить в от-
пуск.

— На какое время? — пребывая в протрации,
проявила я любопытство.

— На неопределенное.
— Да с какой стати?
— Мона, твой муж предпринял ряд шагов...
— При чем здесь мой муж?
— В нем-то как раз все дело. Он хочет, чтобы тебя уволили.

— Какое отношение мой муж имеет к нашей компании?

— К компании никакой. Но в городе он... вижу, ты мало интересовалась делами мужа. Я права?

— Ну... — пожала я плечами. — У него фирма, и он богатый человек...

— Негусто, — вынесла вердикт Элька и просветила меня. Лучше бы ей этого не делать. В добавление ко всем моим несчастьям выяснилось, что муж у меня тип с криминальным прошлым. Жулик, одним словом. Правда, фирма у него настоящая, но это ничего не меняет.

— Господи, — простонала я, а Элька принялась сочувствовать:

— Ты правда не знала? Ну надо же. А я еще гадала, чего это ты за него замуж поперлась.

— Слушай, он обещал меня убить, — забеспокоилась я. Все бандиты, которых я видела в кино, были скоры на расправу.

— Брешет. Из-за любви давно не убивают, только из-за денег. Ты ведь у него денег не требуешь?

— Не требую.

— Тогда живи спокойно.

Ей хорошо говорить, а что мне делать без работы? Сидеть в четырех стенах, теперь еще и без денег? Вот уж счастье. К мужу вернуться и то веселей. «Надо полагать, он этого и добивается», — озарило меня, и я решила быть стойкой.

С Элькой мы договорились, что некоторое время я поработаю на дому, таким образом и волки будут

сыты, и овцы целы. Это мы так думали, но у муженька на этот счет было свое мнение.

На следующий день я вышла из дома и смогла убедиться, что у моих «Жигулей» (деньги на машину я одолжила у мамы) спущены все четыре колеса, кто-то не поленился их продырять. Неужто сам Сергей? Я уже видела мысленным взором, как он в дорогом костюме и белоснежной рубашке орудует гвоздем. Впрочем, теперь-то выяснилось, что самому орудовать необязательно.

Я огорчилась, потом позвонила в автосервис, и проблема с колесами была решена, но это оказалось лишь началом. Поздно вечером мне позвонили по телефону, и грубый мужской голос заявил:

— Вернись к мужу, или головы лишишься.

Муженек точно ее где-то потерял, кто ж так жену домой возвращает?

— Идиот, — ответила я и бросила трубку, но занервничала.

Ночью позвонили еще трижды, и каждый раз угрозы становились все красочнее. Я подумала и позвонила сама, мужу я имею в виду, но, должно быть, выбрала неудачное время.

— Это только начало, — лаконично сообщил он, не желая прислушаться к голосу разума. Я подумала, что надо переехать к маме, но проблему это не решит, лишь подвергнет мамину нервную систему серьезному испытанию.

В девять утра я пила кофе на кухне, когда в дверь позвонили. На всякий случай я уставилась в «глазок» и увидела веснушчатую девицу в джинсовой куртке и косынке. Она таращила глаза и нервно кусала губы. Встретаться ранее нам не доводилось, но от девиц ничего опасного не ожидалось, и я открыла дверь.

— Вы Симона? — спросила она, вытаращив глаза еще больше. — Симона Вячеславовна Алексина?

— Да.

— Я пройду, — заявила девица, вошла, закрыла дверь и привалилась к ней спиной, прижимая к груди тетрадь в красной обложке. Девушку слегка потрясывало, и вообще она выглядела немного нездоровой, я имею в виду душевное здоровье. Я пожалела, что открыла дверь.

— Вы, собственно, по какому вопросу? — забеспокоилась я, и тут она выдала:

— Ваш муж собирается вас убить, я это слышала собственными ушами. — Она стащила косынку, должно быть, для того, чтобы продемонстрировать, что уши у нее точно есть. Они и были, большие, оттопыренные и тоже веснушчатые.

— Я тоже слышала, — пожалала я плечами. — Но ведь это чепуха. Не может же он в самом деле меня убить?

— Еще как может, — комкая косынку, не унималась девица. — Ведь он совершенный зверь.

Хоть я мужа и не любила, а теперь даже опасалась, но с определением «зверь» была все-таки не согласна. На самом деле он довольно милый и покладистый парень, по крайней мере до недавнего времени он уступал мне охотно и даже с удовольствием.

— Не выдумывайте, — осадил я ее и вдруг вспомнил Элькины рассказы. А что, если не милый и не покладистый, а искусный притворщик?

— Это вы мне говорите? — возмутилась девица. — Да я знаю этого мерзавца как облупленного. Я потратила на него лучшие годы своей жизни.

Я нахмурилась, приглядываясь к ней. На вид ей было лет двадцать, ну, может, чуть больше, потому заявление о потраченных годах показалось мне явным преувеличением.

— Чего вы от меня хотите? — совершенно растерялась я.

— Как чего? — удивилась девица. — Перед лицом опасности мы должны объединиться.

— Вас он тоже хочет убить? — догадалась я.

— Убил бы с удовольствием, уж можете мне поверить, просто я не такая дура, чтобы ему это позволить.

— Вас не было в альбоме, — подумав, сказала я.

— В альбоме? — не поняла девушка. Пришлось объяснить. — Вы поймали его с поличным? Здорово! — К тому моменту она как-то незаметно дошла до кухни и даже устроилась там в кресле возле окна. Вдруг вскочила и пересела на стул. — На всякий случай, — пояснила торопливо, — вдруг следит.

— Кто за вами следит? Мой муж?

— Объясняю еще раз: он решил вас убить. А у такого парня слово с делом не расходится. Все, кто с вами в контакте, подвергаются опасности. Я, к примеру. Приходить к вам было рискованно, но не могу же я стоять в стороне, раз в заповеди сказано: «Не убий». И если ты сам не убиваешь, а просто стоишь рядом и помалкиваешь, так это ничего не меняет. Я готова пострадать за правду. Как первые христиане. Вы в бога верите?

— Не знаю, — растерялась я. — Не думала об этом.

— Да вы с ума сошли, как это о боге не думать? Особенно когда вас собираются убить. У вас теперь все надежды на господя, так что начинайте верить немедленно.

— Хорошо, начну, — согласилась я, стараясь ни в чем девице не перечить, потому что к тому моменту была убеждена: она и впрямь сумасшедшая.

— Вот я вам тетрадку принесла, — продолжила она, оторвала тетрадь от груди и положила на стол. — Здесь молитвы на все случаи жизни. От убийц и грабителей я красным фломастером пометила, видите?

Я заглянула в тетрадь, почерк у девицы оказался

на редкость красивым и разборчивым, да и оформлена тетрадь была с любовью.

— Это я в монастыре от нечего делать, — вздохнула она, — телика нет, а книжки читать я не люблю, читаю только божественные, ну еще про сирот или каких-нибудь инвалидов. Одному человеку отрезало руку...

— Подождите, — заволновалась я. — Дело в том, что я собиралась уходить. Вы застали меня совершенно случайно. Если честно, у меня совсем нет времени и...

— Я могу подождать, — сказала девушка, — у меня полно времени. Идите по своим делам, а я тут у вас пока похлопочу по хозяйству. Господь учит помогать ближним. Я хорошо готовлю, хотите жареной картошки?

— У меня нет картошки.

— Жаль. Очень есть хочется. Я сутки ничего не ела. Если бы в пост, то хоть в пользу, а так за что страдаю? Если вам не трудно, покормите меня ради Христа. — Тут она вскочила и торопливо поклонилась.

— Ну, хорошо, — пожала я плечами и стала готовить завтрак, а девица читать вслух молитвы.

— Перед принятием пищи обязательно надо молиться. И после. Здесь у меня зеленым фломастером подчеркнуто.

— Вас как зовут? — поинтересовалась я со вздохом, поняв, что быстро от нее не избавишься.

— Мария. Как Богородицу. Вот мамка-то угодила. — Она опять вскочила, поклонилась чуть ли не до пола и сказала нараспев: — Мария Никитична Лукина.

— Очень приятно, — кашлянула я, помешивая кашу в кастрюльке. — А как давно вы знакомы с моим мужем? С бывшим, я хотела сказать.

— Да я его всю жизнь знаю, класса с третьего.

А уж любила как... Он во двор выйдет, а у меня сердце в пятки. А когда на гитаре играл...

— Мой муж играет на гитаре? — не поверила я. По моему глубокому убеждению, медведь отдал ему оба уха.

— А то... не часто, но иногда играл. Никому не нравилось, а я прямо сама не своя, встану в сторонке, глаза зажмурю и слушаю, слушаю. Конечно, он по моему малолетству внимания мне не уделял, зато я каждую свободную минуту посвящала ему.

— Вы в одном дворе жили? — озарило меня.

— Ага. Но недолго. Он-то вырос быстро, я еще в восьмом классе училась, а он сначала тачку купил, потом квартиру и съехал. Правда, к родителям иногда заезжал, потом они умерли, и мне вовсе жизни не стало. Я школу бросила и пошла к нему в курьеры. Еще брат не хотел, мерзавец, но я сказала: батя пьет, а мамке не до меня, надо работать. Договорились, что по вечерам трудиться буду, а днем в школе. Все-таки не совсем его душа потеряна для бога, — заявила она. — Способен иногда на благородный поступок.

— И что было дальше?

— Школу я закончила, стала у него в офисе работать, потому что совершенно не видела смысла жизни без Сергея. А он со мной как с малым ребенком разговаривал. Я поняла: надо брать инициативу в свои руки. Тут как раз была вечеринка перед Новым годом, я выпила для храбрости и соблазнила его. Правда, пришлось его как следует напоить.

— А это не противоречит заповедям? — забеспокоилась я.

— Еще как, но тогда я не нашла своей дороги и грешила. В чем теперь раскаиваюсь. Батюшка этот грех мне еще три года назад отпустил, так что он теперь не считается. В общем, мы стали любовниками, но он меня ничуть не любил, без конца увивал,

когда я его о чувствах спрашивала, потом решил меня подкупить. Я, говорит, тебе квартиру куплю, двухкомнатную, только ты отстань от меня. Я разозлилась, а он мне: я бы тебя убил, не будь ты такой дурой, к тому же в одном доме жили, и хоть ты последняя идиотка, но тебя все-таки жалко. По-хорошему, говорит, прошу: отстань от меня. И должность мне нашел у своего друга. Двести баксов — не кот чихнул, а всех делов, что на телефоне сидеть.

— Вы согласились?

— Наотрез отказалась. Так он, мерзавец, перестал меня замечать. Ходит мимо, точно я стена какая. Долго я страдала, но однажды все же прорвалась к нему. А он мне: так, мол, и так, я женюсь. Конечно, я расстроилась, каково такое слышать влюбленному сердцу? Но я его поняла, потому что он поклялся, что любит вас больше жизни. И я наступила на горло собственной песне и ради его счастья дала свое согласие. Тяжело это было. Вот тогда и состоялась радостная встреча с одной богобоязненной старушкой, которая и привела меня в храм. Там я нашла истинное утешение. Молилась за вас, потому что господь сказал: прощайте врагам вашим, а вы мне даже и не враг, раз ничегошеньки обо мне не знали. Шли годы, то есть по-настоящему прошел всего один год, как вдруг звонит этот гад моему гаду, то есть моему новому шефу, ваш-то просил меня уйти, как только женился, и я ушла, сжав сердце в твердый кулак. Так вот, звонит этот гад и договаривается ехать в сауну. Ну, сауна так сауна. И тут я такое слышу... Крепитесь: ваш муж проводил время с женщинами легкого поведения.

— Да я знаю, — напомнила я, — у меня их целый альбом.

— Ага, — кивнула Марья, — тем лучше в смысле переживаний, не стоит о нем убиваться.

— Я не убиваюсь, мне бы только развестись с ним. Вы дальше рассказывайте.

— Так вот, как узнала я, что он по девкам шагает, выиграло во мне сердце, это что же выходит: не любит он вас, врет как распоследний... Короче, я решила с ним поговорить: так, мол, и так, если жену любишь, чего же по девкам бегаешь, а если не любишь, с какой такой стати пудрил мне мозги? Но поговорить с ним мне не удалось. Он от меня прятался, и в этом было провидение божие, потому что так я узнала, что супостат готовится лишить вас жизни.

— Нельзя ли об этом чуточку подробнее? — попросила я.

— Можно, — с готовностью кивнула Марья. — Звонит он в очередной раз моему гаду и говорит: «Мона от меня к мамаше сбежала и собирается разводиться», а мой-то гад ему в ответ: «Повезло». Но ваш жалобно так причитать начал, что совсем не повезло и даже напротив. Любит он вас, видите ли. И хватает у людей совести болтать такое, когда он всех своих шлюх по именам не помнит. Мой гад стал его утешать: никуда, говорит, не денется, посидит недельку без денег и сама прибежит. И опять в сауну намылились. Чувствуете, какое коварство? Любит он вас, как же, а дурные привычки бросать не желает. Каждый день он звонил и жаловался, а мой его утешал. И вдруг ваш точно с цепи сорвался. Убью, говорит, я ее. Никогда она, говорит, меня не любила и только рада от меня избавиться, и никакими деньгами ее не удержишь. Мой-то хоть и гад, но человек благоразумный, и говорит ему: «Зачем же убивать? Может, лучше в самом деле развестись, тем более что не любит». А Серега прямо сам не свой: убью, и все.

Выслушав ее рассказ, я вздохнула с облегчением, потому что была убеждена: всерьез муж убивать меня

не собирается, а то, что орал «убью», так это просто эмоции, утихнет и развод даст, никуда не денется.

С легким сердцем я накормила Марию кашей, взглянула на часы и напомнила ей о работе — не своей, ее.

— Разве вам не надо в ваш офис?

Тут выяснилось, что она в отпуске, а отправилась в отпуск с одной целью: спасти меня, а так как отпуск внеплановый, а значит, без содержания, денег у нее нет, и она считает, что ей лучше всего жить у меня в целях моей безопасности и ее экономии. Данной идее я воспротивилась, твердо заявив, что в охране не нуждаюсь, а прокормить кого-либо не в силах, потому что у самой денег нет. Тут я, конечно, грешила против истины, но видеть в своей квартире сумасшедшую упорно не желала.

В конце концов мне удалось-таки проводить ее до двери. Она оставила мне номер своего телефона со словами: «Звоните, если что», а я посоветовала ей вернуться на работу — вдруг мой гад опять позвонит. Она нахмурилась, кивнула и наконец-то ушла. Я стала звонить Эльке с жалобами.

— Сумасшедший дом, — вздохнула она, выслушав. — А вдруг он правда чего замышляет? Может, тебе стоит переехать к маме? — Вопрос я оставила без ответа и села за работу.

День прошел незаметно, я и думать забыла о Марье и ее предостережении, то есть я ее вспомнила, укладываясь спать, но со смешком, и даже головой покачала: мол, надо же, совершенно чокнутая девица. Оказалось, не такая уж она сумасшедшая. А вот муж у меня точно псих, в этом я смогла убедиться буквально через несколько часов.

Взгляд мой упал на прикроватную тумбочку и натолкнулся на тетрадь. Сама я ее даже в руки не брала и удивилась: в какой же момент ушлая девица успела

прошмыгнуть в спальню. Интересно, что она еще успела? Да, с такими следует держать ухо востро. Перекрестившись на всякий случай, я выключила свет и закрыла глаза.

Снились мне кошмары: муж с топором, Марья в рогатой шапке с носом клоуна грозила пальцем и грозно выла: «Забыла ты бога, оттого и наказана», мимо пробегали старушки в черном и смотрели недобро, но все эти кошмары были сущей ерундой по сравнению с моим пробуждением.

Проснулась я оттого, что не имела возможности повернуться и рука затекла от неудобной позы, открыла глаза и в первый момент решила, что все еще сплю, а ночной кошмар становится еще кошмарней. На моей постели сидели два дюжих молодца, один держал меня за руки и пакостно ухмылялся, а второй что-то проделывал с моими ногами. Через секунду я поняла: он их связывает, мне стало больно, а до меня наконец дошло, что это вовсе не сон, все это в реальности: и парни, и свет настольной лампы, и связанные руки. Я вмиг похолодела, вытаращила глаза, но нашла в себе силы спросить:

— Вы кто?

Ответом мне было гробовое молчание. Впрочем, тут я слегка преувеличила, парни не молчали, оба хмыкнули, а один так даже хохотнул, но ни словечка не произнесли и ясности в то, что происходит, не внесли.

— Кто вы? — жалобно повторила я.

Тут второй парень, тот, что привязывал мои ноги к ножкам кровати, выпрямился. В его руках я увидела скотч, которым он и заклеил мой рот. После этого ничего произнести я уже не могла и лишь глазами вращала в ожидании самого худшего, причем и худшее виделось мне расплывчато.

Оба мерзавца поднялись, сделали мне ручкой и

выключили лампу. Я напряглась в напрасном усилии порвать путы и тут услышала шаги: неизвестные покинули спальню. Затем хлопнула входная дверь, и я вздохнула с облегчением, но длилось оно недолго. Невозможно предположить, что эти двое ворвались в мою квартиру лишь для того, чтобы привязать меня к кровати, — следовательно, мерзавцы задумали какую-то пакость и мои испытания еще впереди. Пожар? Я начала приноживаться. А может, газ открыли? Потом скажут, что покончила жизнь самоубийством. Какое самоубийство, если я связана по рукам и ногам. Тогда что? Так я лежала и пугала себя, увлекаясь все больше и больше, чему способствовала тьма крошечная (у меня на окнах плотные шторы) и прямо-таки могильная тишина.

Время шло, в комнате светлело, с улицы начали доноситься привычные звуки: трамвай прошел, дворник поливает клумбу, за стеной заработало радио. Ночь я пережила, а мерзавцы в самом деле ушли, не нанеся мне телесных повреждений.

Но эта мысль недолго радовала мне душу. То, что я жива и здорова, хорошо, но дальше-то что? Я ерзала и так и эдак, пытаюсь избавиться от пут, безрезультатно. Закричать «на помощь!» нет возможности. А в туалет уже хочется. Телефон у меня в прихожей, и толку от него нет. Сколько же мне так лежать?

Допустим, мама забеспокоится и позвонит, может быть, даже приедет... Но пройдет несколько дней, прежде чем она забьет тревогу и выломает дверь (не сама, конечно, а по ее просьбе). У мамы были ключи от этой квартиры, но я свои потеряла и взяла у нее, а дубликат сделать не потрудилась. И вот итог.

Картины одна страшнее другой являлись моему воображению: я умираю от голода и жажды... руки и ноги у меня немеют, распухают, и их ампутуют... В этом месте я так перепугалась, что лишилась созна-

ния, а когда оно вернулось, вновь попыталась освободиться. Не тут-то было.

Зазвонил телефон, потом еще раз и еще. Потом телефоны звонили непрерывно: то домашний, то мобильный. Надежда вернулась ко мне: кому-то я очень понадобилась, значит, есть шанс. Затем звонки стихли, квартира погрузилась в тишину, а я — в глубокую скорбь. Позвонили, и что?

Я принялась оплакивать свою судьбу, слезы текли по моим щекам, я еще пыталась освободиться, но как-то вяло, и тут хлопнула входная дверь, я наострила уши, однако радоваться не спешила: либо враги, покидая жилище, не потрудились запереть дверь, либо это те же враги, которые бог знает каким образом смогли проникнуть в квартиру. Более ничего в голову мне не приходило, раз ключи лишь у меня, но надежды я не теряла: вдруг действительно дверь не заперли?

Послышались осторожные шаги, затем дверь спальни приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулась Марья Лукина. С минуту она смотрела на меня, вытаращив глаза, затем челюсть ее отпала, и она замерла с выражением ужаса на лице.

Я замычала, пытаюсь дать ей понять тем самым, что не худо бы мне помочь, а не стоять столбом с глупым видом. Марья отчетливо произнесла «ой», после чего бросилась ко мне. Но сразу освободиться не удалось: она безуспешно пробовала развязать ремни, я отчаянно мычала, потому что теперь, когда мысль о смерти от голода и жажды убралась восвояси, я начала злиться на чужую бестолковость. Марья вторично ойкнула и сорвала скотч с моего рта, тут уж я взвыла, не помня себя, и Марья вместе со мной — должно быть, за компанию.

— Нож на кухне, — прохрипела я, первой придя в сознание.

Она сбегала за ножом и даже разрежала пути на

моих руках, после чего обняла меня и громогласно провозгласила:

— Слава тебе, господи. Жива. — Я бессильно обвисла и согласно кивнула. — Что случилось-то? — спросила Марья, заглядывая мне в глаза.

— Проснулась, здесь двое типов, связали меня и ушли.

— И ничего не сделали? — подивилась она.

— Как ничего? Связали. И вообще, напугали до смерти.

— А сказали-то что? — не унималась Марья.

— Ничего они не говорили. Только ухмылялись.

— Чудеса, — нараспев произнесла она, а мне вдруг стало обидно: история выходила не впечатляющая. Но тут я вспомнила о ночных визитерах и покрылась гусиной кожей.

— Все ясно, — уставившись куда-то в пол, изрекла Марья. — Страшную кару замыслил аспид. Я кино видела с Бредом Питтом, дядьку одного тоже к кровати прикрутили, и он превратился в мумию. Год лежал, пока ему в глаза фонариком не посветили...

— Глупость какая, за год он раз двести бы умер.

— А этот гад его витаминами колол. Ага. Чтоб жил. Вот подлость людская. Говорю, Серега страшное дело задумал.

— С какой стати мне год лежать, — возразила я скорее из вредности, потому что тоже вспомнила фильм. — У меня мама есть. — Тут я нахмурилась и спросила: — Ты-то как вошла, дверь была открыта?

— Ага, — вяло отозвалась Марья.

— Вот видишь, никто меня мумифицировать не собирался. Дверь специально незапертой оставили, чтобы я не умерла. Конечно, муж у меня сумасшедший и даром ему это не пройдет, но...

Марья вдруг поднялась, сложила ручки на груди и низко поклонилась, после чего заунывно начала:

— Прости ты меня, ради Христа...

Я сидела на постели все еще со связанными ногами и пыталась сообразить, куда она клонит.

— За что? — поинтересовалась я.

— Соврала я тебе, а это грех. — Она горько зарыдала, а я растерянно заметила:

— Да ладно, соврала и соврала. А чего соврала-то?

— Дверь была заперта, — перешла она на трагический шепот.

— Как же ты вошла? — поразмышляв немного, вновь спросила я.

— Прости ты меня, ради Христа! — взвыла деваха так отчаянно, что у меня заложило уши и я замахала руками.

— Простила, все. Хватит вопить.

— Ага, — вздохнула Марья, переминаясь с ноги на ногу. — Я у тебя вчера ключи свистнула, — сообщила она застенчиво.

Я, должно быть, вытаращила глаза от неожиданности, а может, от чужой наглости. Марья опять изговилась вопить и бить поклоны, а я вновь замахала руками.

— Цыц, — прикрикнула я громко и даже кулаком погрозила, но, конечно, полюбопытствовалась: — Зачем же свистнула?

— Как зачем? За тебя боялась. Уйдешь куда из дома, а тут супостаты. А без ключей тебе только дома сидеть. И никак я предположить не могла, что они на такую пакость отважатся, в дом проникнуть то есть. Ведь это дело такое, тут уж не отвертись, тут ведь не кирпич какой-то на голову свалился случайно или там машина переехала. Совершенно озверел, — заключила она, а я, задумавшись, спросила:

— Кто?

— Ясное дело кто. Серега. Муж твой.

— Надо немедленно обратиться в милицию, — попыталась вскочить я, забыв про связанные ноги. — Ох ты, господи, ремни-то разрежь.

Ремни Марья разрежала, я вскочила и нервно забегала по комнате.

— Думаешь, это он?

Признаться, трудно было представить, что муж, хоть теперь и нелюбимый и даже вроде бы бывший, способен на такое злодеяние. Мучаясь страхами, я ни разу не подумала о Сереечке. А что я вообще думала? Кто-то решил пошутить? Хороши шуточки. Конечно, Марья права: его рук дело, не зря он убить меня грозился и совершенно озверел.

Набегавшись вдоволь, я замерла возле телефона, соображая, куда следует звонить. Ясно, что в милицию. Я набрала 02, но повесила трубку, решив для начала посоветоваться с мамой, потом подумала, что маму пугать не стоит, у нее давление, да и вообще...

— Наверное, надо самой идти и писать заявление, — тихо пробормотала я, но Марья услышала.

— На Сереегу жаловаться? Так это бесполезно.

— Почему? — не поверила я.

— Менты эти дела страсть как не любят. Я имею в виду семейные ссоры. Скажут: разбирайтесь сами. К ним хоть вовсе не ходи, уж я-то знаю, у меня папка с мамкой раз десять разводились, а дрались-то как отчаянно, страсть, а менты палец о палец не ударили, чтобы хулиганские выходки родителя пресечь. А когда мамка в сердцах папку трехлитровой банкой с огурцами огрела, еще и запугивали: мол, если даст дуба, так непременно посадят. Аспиды, — пожалала она плечами со вздохом, а я загрустила. С милицией мне ранее не приходилось сталкиваться, но чудилась в словах Марьи какая-то правда.

— Что же тогда делать? — ахнула я, жалея саму себя прямо-таки до слез.

— Надо бороться, — ответила она с готовностью. — Око за око...

— Что ты мелешь? — обиделась я. — К кровати его, что ли, привязывать?

— Ну, может, и не привязывать, но машину ему, к примеру, разбить можно. Он ее на стоянке возле дома бросает без всякого присмотра.

— И что?

— Берем две здоровые дубины и по стеклам, и по фарам...

— Чокнутая, — покачала я головой.

— Почему? — обиделась она и повторила тише: — Надо бороться. И в Библии сказано: «Око за око».

— Там еще сказано: «Если тебя ударят по правой щеке...» или что-то в этом роде... — Я досадливо махнула рукой.

— Библия — великая книга, — не унималась Марья, — в ней полно советов на все случаи жизни. Я считаю, «зуб за зуб» очень подходит к нашей ситуации.

— При чем здесь ты? — сатанея, возвысила я голос. — Муж мой, связали тоже меня. Между прочим, ты вела себя не лучшим образом, ключи свистнула...

— Я же покаялась, — обиделась Марья. — Не похристиански поминать прощенный грех.

— Ладно, — махнула я рукой, — но машина — плохая идея. Мы не должны уподобляться, и вообще... спасибо тебе большое, но у меня много дел.

— Сима... — хлопнула она рыжими ресницами. Так по-дурацки меня еще никто не называл, и я, признаться, опешила. — Мне жить негде. Меня сегодня хозяйка с квартиры выгнала, такая негодяйка оказалась, совсем люди бога не боятся. Можно, я у тебя переночую?

— Но ведь у тебя есть родственники? — неуверен-

но предположила я. Марья вздохнула. — Или друзья? — Очередной вздох. — Ну, просто знакомые...

— Просто знакомые есть, конечно, но они вряд ли пустят. Вот ты, к примеру, гонишь, хотя я тебе жизнь спасла, если разобраться. — Она еще раз вздохнула, и одинокая слеза скатилась по ее щеке.

Я загрустила.

Конечно, по большому счету, она права. Если б не Марья, лежала бы я сейчас связанная, но она ведь совершенно ненормальная, ключи свистнула, разве такой поступок нормальным назовешь? Машину разбить предлагает... С другой стороны, если бы она ключи не свистнула, то и в квартиру не вошла бы, а значит...

— Ладно. Оставайся. Но только на одну ночь.

— Хорошо, — с готовностью кивнула она. — А у тебя машина есть?

— Есть.

— Тогда, может, вещи мои перевезем? Хозяйка очень ругается, я еще на той неделе обещала.

— А за что она тебя выгнала?

— Я кран закрыть забыла.

— Ну и что?

— Дело-то в пятницу было, вечером. Я к знакомым на дачу уехала, и соседи подо мной тоже. А я на пятом этаже. Короче, пролило до первого. Но это ведь не повод, правда?

— С кранами надо быть внимательней, — пробормотала я, радуясь, что сегодня не пятница. — Завтракать будешь? — спросила я Марью.

— Конечно. Я бы заодно и пообедала.

Мы сели завтракать, Марья помалкивала, а я размышляла: что же делать? И ничего разумнее не придумала, кроме как идти в милицию. Марья вызвалась сопровождать меня.

Через час мы вошли в здание райотдела. Граждане сновали по коридорам, за стойкой сидел истомленный дежурный и недобро смотрел на мир.

— К кому мне можно обратиться? — робко спросила я. Я всегда робела при виде милиции, хотя и непонятно, с какой стати.

— Ко мне, — ответил мужчина, в глазах его появился интерес.

— Я развожусь с мужем, а он мне угрожает.

— А чего разводитесь-то? — спросил дежурный.

— Просто развожусь, — нахмурилась я.

— Интересно. «Просто развожусь», — передразнил он. — Причина должна быть веская. Это вам не игрушки: хочу — живу, хочу — развожусь.

— Что это вы мне мораль читаете? — возмутилась я. — Есть у меня причина.

— А если есть, то разведут. Всю жизнь у них мужики виноваты.

— Какой-то сумасшедший, — пробормотала я, схватила Марью за руку и потянула ее к выходу. Никакие силы небесные не заставили бы меня повторить эту попытку.

— Что я тебе говорила? — бубнила Марья. — Менты всегда так, им бы только ничего не делать. Будут нервы трепать: а с чего вы решили, что это ваш муж, а чем докажете? Вот когда убьют, тогда и приходите.

Хоть Марья, с моей точки зрения, и была девицей чокнутой, но в тот момент я была склонна ей верить.

— Да уж, — вздохнула я тяжело и замерла посередине улицы, оглядываясь.

— Надо ему тачку разбить, — зашипела Марья.

Я отмахнулась от нее, как от назойливой мухи. Подумав, я решила обратиться к Эльке, но от этой мысли пришлось отказаться — Марья потащится со

мной, а показывать ее нормальным людям совершенно невозможно, а то и в моем здравомыслии сомневаться начнут.

Я зашагала по улице, только чтобы не стоять на месте, а Марья вновь принялась зудеть по поводу своих вещей. Я рассудила, что если мы перевезем ко мне и вещи, то от этой сумасшедшей я вряд ли избавлюсь, потому и не торопилась помогать ей.

— Давай сначала покончим с одним делом.

— Говорю, надо стекла бить.

— Какой от этого толк?

— Поймет, что мы себя в обиду не дадим. Ты нам пакость — мы тебе две.

— Как-то не по-христиански ты рассуждаешь, — нахмурилась я.

— Ничего подобного. Я же тебе говорила...

Но я уже не слушала, потому что взгляд мой упал на нарядную вывеску адвокатской конторы «Гридин и сыновья». Первый этаж здания был заново отделан, вывеска стоила денег, да и само здание практически в центре города производило впечатление. Очень солидно. И кому, как не адвокатам, знать, как следует поступить в моем нелегком положении.

Я решительно направилась к дубовым дверям с латунными ручками, начищенными до блеска так, что за них было страшно братья руками. Но я взялась. Марья удивленно начала: «Ты куда...» — но тут же примолкла.

Мы вошли в холл и испуганно огляделись. Обстановка была такая, что я сразу почувствовала: беспокоить Гридина и сыновей по такому пустячному поводу, как мой, непростительное свинство.

— Шикарно, — простонала Марья, вертя головой.

Тут, словно из-под земли, возник молодой человек в светлом (по причине жары) костюме, рубашка белоснежная, галстук в полоску. На лице молодого

человека явственно отобразились печаль и сомнение в целесообразности нашего визита сюда. Мы уж и сами сообразили, что зря приперлись, но бежать сломя голову было неловко, и я, выпрямив спину, сказала с вызовом:

— Мы бы хотели проконсультироваться.

— Прошу вас, — указал рукой в сторону коридора молодой человек.

Пол здесь был покрыт толстым ковром, и шли мы совершенно бесшумно. Из-за ближайшей двери донеслись какие-то голоса, но мы ее миновали, остановились перед следующей дверью с бронзовой табличкой. Прочитать, что там, я не успела, молодой человек постучал, затем распахнул дверь, и я, почему-то с замиранием сердца, вошла.

Комната, точнее, кабинет оказался совершенно обыкновенным: белые стены, две картины (весьма посредственные), стол с неизменным компьютером, жалюзи на окнах и полки вдоль стен, заваленные пыльными папками, которые почему-то сразу напомнили мне школьные годы и сдачу макулатуры.

За столом сидел упитанный мужчина неопределенного возраста. Вначале он показался мне пожилым из-за наметившейся лысины и мышинового цвета волос, принятого мною за седину, но тут он вскинул голову, оторвавшись от бумаг, и теперь показался мне едва ли не ребенком. У него были румяные щеки, а цвету лица могла бы позавидовать любая девушка (себя я в виду не имею, у меня с этим все в порядке), очки без оправы делали его похожим на мудрого кролика, чему способствовала улыбка, тоже какая-то кроличья. Чем-то он слегка раздражал, в основном потому, что впечатление о нем как-то не складывалось.

— Здравствуйте, — приветствовал он нас низким голосом, который совершенно не шел к его облику, и это тоже почему-то раздражало.

Мужчина поднялся и протянул руку, я растерялась, а подскочившая Марья ее пожала и скороговоркой выпалила:

— Лукина Марья Никитична.

— Очень приятно, — глядя на меня, ответил мужчина. — Олег Михайлович Яшин.

— Это Симона Вячеславовна, можно просто Симона, — затараторила Марья. Но я успела вмешаться:

— Можно без отчества, но зовут меня Симона.

— Очень приятно, — повторил Олег Михайлович и улыбнулся еще шире. — Присаживайтесь. — Мы устроились в креслах, и он продолжил: — Внимательно вас слушаю.

— Муж у нас сволочь, — с места в карьер начала Марья, хоть ее и не спрашивали.

— Ваш муж? — не понял Олег Михайлович. Я бы на его месте тоже не поняла.

— Ее, — ткнула в меня пальцем Марья, — но я от него тоже пострадавшая. Я, можно сказать...

— Заткнись, — шикнула я, она моргнула, но рот закрыла. — Муж мой, и говорить буду я.

Далее я довольно обстоятельно поведала о своих несчастьях. Олег Михайлович выслушал с печалью и без особого интереса, после чего принялся успокаивать меня, но совершенно не успокоил и даже разозлил. Особенно мне не понравились выражения «драматизировать» и «не стоит преувеличивать». Ему хорошо говорить, его-то к кровати не привязывали.

Я посуровела и твердо заявила, что без всяких там преувеличений ожидаю мученической кончины со дня на день. Олег Михайлович погрузился еще больше; оно и понятно, контора респектабельная, а я клиент не впечатляющий, но как человек воспитанный (опять же положение обязывало) просто выставить меня за дверь он не мог и страдал.

— Если вы убеждены в том, что... Вам надо обратиться в милицию, — нашел он выход и улыбнулся.

— Только что оттуда, — обрадовала я его.

Он вздохнул и сказал с печалью:

— Но от нас-то вы чего хотите?

В самом деле, чего я хочу? Я нахмурилась и сформулировала:

— Решения вопроса.

— Уточните, — попросил он.

— Я хочу развестись с мужем и остаться в живых после этого.

Олег Михайлович предпринял ряд попыток избавиться от нас, но в меня точно черт вселился, я сидела на стуле как приклеенная и хмуро твердила одно и то же.

Олег Михайлович выдохся, побледнел и почему-то перешел на дискант. Я поняла, что настал момент, когда нас отсюда попросту выкинут, и уже собралась уйти по-доброму, но тут дверь распахнулась и в кабинет вошел мужчина. Марья, увидев его, пискнула и едва не лишилась сознания, а я начисто забыла, по какой такой нужде меня сюда занесло. Он был очень красив, одет дорого и со вкусом и умудрялся походить на Ричарда Гира, Тома Круза и всех известных голливудских красавцев одновременно. Взгляды наши встретились, его — слегка насмешливый (уж он-то хорошо знал, какое впечатление производит на женщин) и мой — смесь восхищения, природной глупости и слабой попыткой сохранить достоинство.

— Олег Михайлович, вы заняты? — спросил он, продолжая смотреть на меня. Его светло-серые глаза обещали неземное блаженство.

— Собственно, я уже все, — промямлил Олег Михайлович, который тоже почему-то остолбенел.

— Если я не вовремя... — продолжил вошедший,

но как-то чувствовалось, что он сам не верил, что такое возможно.

— Вы кто? — вдруг спросила Марья.

Мужчина с удивлением взглянул на нее, но ответил:

— Разрешите представиться, Гридин Андрей Петрович.

— Отец? — пискнула Марья.

— Сын, — с достоинством поправил он и потерял к Марье интерес. — Олег Михайлович, на моем столе бумаги, я бы хотел...

— Да-да, — вскочил тот, — я через минуту...

— Через минуту не получится, — опомнилась я. — Вы так мне и не ответили...

Олег Михайлович пошел пятнами.

— Я ведь вам сказал: обратитесь в милицию или в охранный агентствo, наконец.

— А в чем дело? — проявил интерес Андрей Петрович и в знак того, что интерес не шуточный, устроился в кресле, закинул ногу на ногу и уставился на меня. А я порадовалась: то ли тому, что моя история кого-то заинтересовала, то ли факту, что просто заинтересовала такого мужчину, а то, что заинтересовала, сомнений не вызывало.

Я приободрилась и почувствовала себя красавицей более обыкновенного. В душе колыхнулось что-то вроде надежды на близкое счастье, но колыхалось недолго, до той самой минуты, пока я не заметила на пальце Гридина обручальное кольцо. Женатые, будь они хоть трижды красавцы, никогда не вызывали у меня интереса. Андрей Петрович вмиг лишился своего ореола и стал просто симпатичным мужчиной лет сорока, в серых брюках, темно-синей трикотажной рубашке с короткими рукавами, темными волосами, довольно длинными, которые падали на плечи, свиваясь кольцами, светло-серыми глазами, тонким но-